

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Т.Е. ВОРОЖЕЙКИНА

Государство и общество в России и Латинской Америке

Цель данной статьи - попытаться проследить за изменениями, произошедшими во взаимоотношениях государства и общества в ходе тех преобразований, которые были оптимистически названы в начале предыдущего десятилетия "политической демократизацией и экономической либерализацией", переходом от авторитарного к демократическому устройству в политике и от государственного вмешательства к рынку как основному регулятору в экономике. В число первоначальных представлений (или иллюзий) входило и то, что гражданское общество в странах вторичной, запоздалой модернизации будет развиваться, усиливаться и структурироваться по мере перехода к демократии в политической сфере и в целом - по мере сокращения государственного вмешательства во всех сферах. Говоря словами израильского исследователя Л. Ронигера, предполагалось, что процессы ослабления, "обессиливания" государства и усиления гражданского общества будут параллельными и взаимоусиливающимися [Roniger, 1994].

В центре моего внимания будет, прежде всего, Россия и то очевидное, как мне кажется, обстоятельство, что в начале XXI века, после полутора десятилетий кризисного развития происходит попытка восстановления традиционной для нее модели взаимоотношений государства и общества, при которой государство выступает как ведущая или единственная сила, способная интегрировать общество. Нынешняя российская власть хотела бы вернуться к тому типу всепроникающего, всеобъемлющего государственного устройства, которое было характерно для всей истории России с XV-XVI веков. Речь идет о государстве, которое наиболее точно могло бы быть охарактеризовано английским словом "overwhelming", иначе говоря, сочетающим всепроникающий и одновременно подавляющий самостоятельное развитие общества характер. В какой мере может быть успешной подобного рода попытка в современных условиях глобализации, с одной стороны, и при нынешнем уровне открытости российских экономики и общества - с другой? Насколько совместим такой тип взаимоотношений государства и общества с декларируемым тем же режимом намерением осуществить либерализацию и модернизацию экономики? Насколько реалистично, наконец, стремление части правящих групп сделать "восстановление государственности" и "усиление вертикали власти" рычагом экономической либерализации, другими словами, насколько вероятен успех "российского Пиночета"?

Рассуждая о государстве, не будем забывать и об обществе. Российское общество в 1990-е годы оказалось не в состоянии реализовать тот исторический шанс, который давало ему временное отступление, "сжигание" государства. Оно не смогло ни заполнить освободившееся от государственного контроля пространство, ни сделать, это пространство публичным. "Государство победило общество, последние несколько лет начинавшее было выходить из-под его тотального контроля, еще более задавило его. Многие из того, что рассматривалось как элементы демократизации общества и режима, на деле было лишь слабостью государства, внутренняя сущность которого не изменилась" [Петров, 2000]. Почему это произошло? Или, вернее, почему не произошло обратного - движения в сторону правового государства и гражданского общества, составляющим, согласно либеральным представлениям, тот политико-социальный континуум, в котором только и могут развиваться и консолидироваться демократические процессы? Означает ли нынешняя инволюция воспроизведение, в который раз, того порочного круга, в котором негражданские, патрон-клиентные отношения в обществе и слабые политические институты подпитывают и взаимоусиливают друг друга¹?

Этот круг вопросов обсуждается в российской научной литературе и публицистике в последние годы. С моей точки зрения, он может быть более глубоко исследован в сравнительной перспективе. В этом случае подход к российской проблематике должен быть переформулирован с точки зрения возможности иных вариантов развития в типологически сходных ситуациях, иных итогов развития тех же коллизий. Мне представляется, что опыт развития ряда ведущих стран Латинской Америки в последней четверти XX века позволяет поставить (с минимальными изменениями) те же вопросы об отношениях государства и общества и в то же время по-иному оценить перспективы идущих процессов.

При всех цивилизационных, культурных и исторических различиях, связанных, прежде всего, с имперским прошлым (и его "фантомными" и вполне реальными болями в настоящем), Россию роднит со странами Латинской Америки общий тип социетарного развития, его **государственно-центричная матрица**². Я использую этот термин для характеристики такого типа развития, при котором государство (власть) играет центральную роль в формировании (структурировании) экономических, политических и социальных отношений. Иначе говоря, для данного типа развития характерна инверсия по отношению к классическому, с либерально-позитивистской и марксистской точек зрения, типу, в котором роль центрального структурообразующего фактора, мотора развития играет экономика. При этом термин "матрица" представляется более удачным, чем "модель", поскольку указывает на среду, рамки, контекст, в которых это развитие осуществляется.

* * *

В России обозначенный тип развития сложился, как уже говорилось, в XVI веке. Последующие столетия ее истории лишь акцентировали в конечном итоге господство государства над обществом и, соответственно, отсутствие или крайнюю слабость собственно социальных механизмов самоорганизации общества. Это в особенности относится к периоду петровских реформ, тридцатилетнему правлению Николая I

¹ Процесс, описанный Р. Патнэмом на примере Южной Италии. По его словам. "Палермо показывает будущее Москвы" [Патнэм, 1996].

² Этот подход был разработан рядом ученых из США и Латинской Америки, а сам термин предложен аргентинским исследователем М. Каваросси, который в начале 1990-х годов попытался взглянуть, на противоречивые процессы политической демократизации и экономической либерализации в Латинской Америке и их не менее противоречивые итоги с точки зрения более общего исторического подхода, рассматривая их как результат разложения государственно-центричной матрицы развития (см. [Cavarozzi, 1992; 1995; 1997]). О других основаниях сравнения России и стран Латинской Америки см. [Ворожейкина, 1995: 1997].

и сталинскому этапу советской истории. Были, конечно, и более спокойные периоды, когда тяга власти к тотальной регламентации, мобилизации и полицейскому контролю над обществом ослабевали или когда власть начинала - по собственной инициативе или под давлением "снизу" - либеральные реформы, дарующие части общества определенные прерогативы или оставляющие ему возможности и пространство для самоорганизации. Однако даже в такие периоды власть с большим трудом воспринимала человека, общество вне их государственного бытия как подданных, рассматривая народ главным образом в качестве пассивного (или враждебного) материала для реализации начальственных идей и распоряжений³. Реформы в России заканчивались, как правило, или контрреформами, или всеобщим кризисом и распадом государства, как в 1917 и 1991 годах. Самодостаточность государства в России, его центральная роль в формировании, кристаллизации всех общественных отношений закономерно приводила к тому, что российская государственная машина на протяжении своей истории не могла адекватно адаптироваться к изменившимся внешним условиям, трансформироваться изнутри. Кризис, слом, распад оказывались единственным механизмом ее преобразования.

Каждый кризис государства в России оборачивался вместе с тем не только кризисом, но и распадом общества. Общество оказывалось неспособным нарастить собственные "мускулы" в периоды ослабления государственного контроля, создать собственные механизмы конструирования и регулирования. И хотя периоды либерального реформирования "сверху" порождали надежды, энтузиазм и попытки самоорганизации, процесс становления общественных ассоциаций, норм и структур гражданской вовлеченности был слишком слаб для того, чтобы компенсировать эрозию государственных - административных и идеологических - "скреп", удерживавших общество от распада. Российское общество на протяжении большей части своей истории оставалось аморфным, неструктурированным, неспособным к "негосударственной институционализации взаимной заинтересованности людей друг в друге" [Гудков, 2000].

Одна из причин такого положения видится в исключенности значительной части народа (в дореволюционный период по крайней мере) не только из того, что можно было бы назвать формирующимся гражданским обществом, но даже и из вертикальных патронклиентных связей, а потому ее враждебности по отношению и к обществу, и к власти⁴. В советский период, в ходе и после индустриализации доля населения, включенного в общественную систему, несомненно, увеличилась. Однако в самой этой системе полностью отсутствовали элементы не только гражданского общества, но и общества как такового, отдельного от его государственной организации. Тоталитарные структуры (партия, профсоюзы, комсомол) включали большинство населения в организации, которые и по сути, и по форме были продолжением государства.

Важнейший фактор внутренней слабости российского общества - его зависимость от власти. «С середины XIX века общественно-политические конфликты в России концентрируются вокруг вопроса о власти как главном, "осевом" общественном институте. По сравнению с ним все проблемы выяснения отношений между различными социальными группами, классами, экономическими формами, правовыми и идеологическими принципами непременно отходили на второй план. По сути дела, это признак слабой структурной дифференциации общества, в котором оставались недоразвитыми или подавленными горизонтальные (прежде всего, экономические) связи, а главной опорой оставалась властная вертикаль. Поэтому, в частности,

³ Исключение, думаю, должно быть сделано для М. Горбачева и части его окружения.

⁴ М. Афанасьев убедительно показывает, как после отмены крепостного права дворяне в своих отношениях с крестьянством продолжали привычно опираться на административно-полицейской произвол и принуждение, что блокировало формирование частных отношений нового, некрепостнического типа - как хозяйственно-договорных, так и неэкономических связей покровительства и взаимных услуг. Сходным образом складывались отношения и в быстро росшей российской промышленности, где преобладал "первоначальный" капитализм, делавший ставку на эксплуатацию и полицию [Афанасьев, 1997].

и в досоветские, и в советские времена политика, экономика, идеология, жизнь частная и публичная были доступны прямому контролирующему вмешательству со стороны власти, а все формы общественных, профессиональных и политических организаций - слабыми и практически беспомощными перед государственным Левиафаном» [Левада. 1998].

Тип отношений власти и общества, при котором власть выступала центральным и, по сути, единственным источником динамики в обществе, не только не способствовал структурной дифференциации последнего, но и закреплял его аморфный характер, препятствовал его самоорганизации. Власть одновременно была и внешней скрепой по отношению к обществу, и стержнем, вокруг которого только и происходили процессы общественной кристаллизации. Общество не вырабатывало внутренних механизмов конституирования и регулирования в значительной мере потому, что государство подавляло всякие зачатки и попытки такой самоорганизации (или использовало ее в полицейских и фискальных целях, как общину в дореволюционный период или так называемые добровольные общества - в советский). Поэтому кризис, распад общества преодолевался в российской истории лишь в результате усилий и при решающем участии государства, которое вновь "собирало", консолидировало общество на государственной основе. В этом смысле Россия может рассматриваться как крайний, предельный случай государственно-центричной матрицы развития.

В странах Латинской Америки (Бразилии, Аргентине, Чили, Перу и Мексике) господство государства над обществом не было столь всеобъемлющим. Однако католическая идея "органического государства"⁵, к которой так или иначе до сих пор восходят очень глубокие и укорененные корпоративистские тенденции, испанская колониальная традиция, органично сочетавшаяся в этом смысле с наследием индейских цивилизаций ацтеков и инков, также способствовали тому, что господство государства над обществом было закреплено в качестве осевого отношения в "генотипе" данных обществ. Эта традиция была прервана в XIX - начале XX века почти столетним периодом слабых олигархических демократий, перемежающихся с военными диктатурами. Однако в 1930-х - 1950-х годах популистские режимы воплотили государственно-центричную матрицу развития в Латинской Америке в наиболее полном и законченном виде⁶.

Популизм был, по сути, наиболее последовательной в Латинской Америке попыткой интегрировать общество "сверху" путем активного государственного вмешательства. В социальном плане это предполагало "включение", инкорпорирование городских трудящихся и средних слоев с помощью активной социальной и перераспределительной политики и создания "сверху" корпоративных структур, охватывающих наиболее активную часть народных масс сетью государственных и полуго-

⁵ Речь идет о нормативном подходе, при которой государство складывает в непротиворечивую систему различные общественные интересы, организованные в корпорации [Stepan. 1978].

⁶ Классические латиноамериканские популистские режимы - Ж. Варгаса в Бразилии (1930-1945). Х.Д. Перона в Аргентине (1946-1954). Л. Карденаса в Мексике (1934-1940) - пришли к власти или в результате военных переворотов, или в результате институционализации власти, выросшей из революции (Мексика). В Мексике корпоративный режим Институционно-революционной партии (ИРП), партии-государства, возникшей в 1929 году, просуществовал, несмотря на нарастающую в последние 20 лет эрозию и кризисы, большую часть XX века: только в 2000 году ИРП уступила власть оппозиции. Авторитарно-популистские режимы в Бразилии и Аргентине были свергнуты в результате поенных переворотов, но традиции популистского государства, популистской политики сохранялись как в периоды демократически избранных правительств, так и в периоды военных диктатур до середины 1970-х годов. В эти годы возникает вторая волна популизма в менее развитых странах континента, таких как Перу и Эквадор. Третье "пришествие" популизма в Латинскую Америку происходит в настоящее время, после того как в Венесуэле президентские выборы 1998 года выиграл полковник У. Чавес, полностью изменивший конституцию и политическую систему страны и сделавший ставку на этатистские методы политического руководства и социального регулирования. Таким образом, популизм, неоднократно объявлявшийся мертвым и политиками, и исследователями, имеет тенденцию возвращаться все в новых обликах.

сударственных организаций. В политическом плане важнейшей характеристикой государственно-центричной матрицы развития в Латинской Америке стало то, что политика "вращалась" исключительно вокруг действий государства. "Президентская власть, исполнительные органы и ряд децентрализованных административных институтов играли важнейшую роль, зачастую фильтруя или устраняя полностью демократические силы общества. Исполнительная власть использовала разнообразные стратегии для достижения этой цели: от непосредственных вертикальных связей между лидером и массами до ограничения участия в выборах и избирательных подлогов" [Cavarozzi, 1995, p. 309]. Выборы как институт легитимации исполнительной власти и ее законодательных доверков сохранялись, даже если соответствующие лидеры первоначально приходили к власти путем военного переворота. При этом устранялась, как правило, всякая неопределенность, связанная с выборами. Поскольку процесс принятия стратегических решений был практически изолирован от механизмов политического участия, существенной политической разницы между авторитарными и демократическими популистскими режимами не было. Политика рассматривалась этими режимами исключительно как сфера управления, хотя риторика участия составляла важнейший элемент их идеологии.

Очевидно сходство задач социального реструктурирования и национальной интеграции, которые решали как популистские режимы в Латинской Америке, так и сталинский режим в Советском Союзе. Это была двуединая проблема включения масс в государственную социально-политическую систему и контроля над ними. Социальное и политическое исключение, которое являлось важнейшим источником нестабильности в дореволюционной России и в олигархических республиках в Латинской Америке, должно было быть устранено путем институционализации массового участия по каналам, полностью подконтрольным государственной власти, и тем самым лишения его какого-либо самостоятельного импульса и потенциала.

Несомненна, однако, разница и в средствах, с помощью которых решалась эта задача, и в масштабах, степени реализации подобной стратегии. В СССР она означала полное, физическое исключение старых элит из нового социального блока, формируемого под эгидой государства. В Латинской Америке этого не было нигде. Даже в послереволюционной Мексике, несмотря на сопоставимую с российской ожесточенность революции и гражданской войны 1910-1917 годов, в новый господствующий блок, а затем и в популистскую социальную коалицию, вошли как представители старой порфиристской экономической элиты, так и новые ее слои, вышедшие из революции и экономически связанные с государством [Valdes Ugalde. 1997]. В то же время даже в рамках вертикальных корпоративных структур, созданных в Латинской Америке в 1930-е - 1940-е годы, существовала определенная степень свободы, которая полностью отсутствовала в тоталитарных структурах сталинского периода. Популистские режимы ни в одной из стран Латинской Америки не обладали социальными и идеологическими ресурсами, сопоставимыми с теми, которые имел советский режим и другие тоталитарные и корпоративно-фашистские режимы 1930-х - 1940-х годов в Европе (хотя очевидно и общепризнано влияние идеологии и практики советского социализма на режим Карденаса в Мексике, а итальянского фашизма - на режим Перона в Аргентине).

Воздействие популистских режимов на становление гражданского общества в Латинской Америке было достаточно противоречиво. По сравнению с олигархическими демократиями первой трети XX века произошла очевидная деградация, инволюция тех элементов гражданского общества, которые являются важнейшими с точки зрения его основного критерия - наличия публичной сферы, автономной по отношению к государству⁷. Однако одновременно произошло существенное расширение и усложнение самого пространства гражданского общества, хотя и отличного от классических

⁷ Я исхожу из "узкого" подхода к понятию "гражданское общество". О его существовании позволяет говорить наличие публичной сферы, отличной от политической организации этого общества и автономной по отношению к государству [Геллнер. 1995; Roniger: Eisenstadt, 1993].

образцов. Речь идет опять-таки о проблеме включения масс, но теперь уже об их включении в институты гражданского общества, которые до прихода популистских режимов к власти носили узкий, элитарный и в силу этого закрытый характер.

Резкое расширение общества за счет "низов" привело к частичной (а в Мексике - весьма значительной) утрате им независимого, гражданского характера. Ценой политической активизации масс стало резкое сокращение сферы независимого социального действия, с чем, впрочем, легко мирились новые члены массовых популистских партий и профсоюзов. Зависимость от политической власти, от режима, от лидера воспринималась как неизбежная плата за никогда не испытанное ранее сознание политического и социального протагониста. Думается, в еще большей мере это было характерно для Советской России в первые послереволюционные десятилетия. Узость и закрытый характер институтов гражданского общества, даже при наличии целого ряда его элементов (которые, несомненно, имели место в начале XX века и в России, и в странах Латинской Америки) в сочетании с огромными масштабами социального исключения, составляют главный источник нестабильности и уязвимости этого общества, его поглощения политической организацией авторитарного государства. И, наоборот: чем менее существующие ассоциации гражданского общества способны эффективно решать проблемы социального исключения, тем более авторитарные черты приобретает политический режим.

Вместе с тем между массовыми организациями и популистским государством. частью которого они являлись, не было полного тождества. Корпоративные структуры, профсоюзы в таких странах, как Аргентина, Бразилия, а затем, в 1970-е годы Перу, приобрели собственную логику независимого существования, позволившую им пережить породившие их режимы. Эти организации, созданные при решающем участии власти, в последующие десятилетия стали автономными по отношению к государству и превратились в часть гражданского общества. В ряде стран Латинской Америки, таким образом, имела место инверсия классической западной модели становления гражданского общества. Его важнейшие современные элементы - профсоюзы, университеты, ассоциации лиц свободных профессий - "генетически" восходят к организациям, изначально созданным и длительное время поддерживавшимся - финансово и организационно - государством. Их автономия по отношению к государству вторична, производна, что позволяет (при определенных условиях) говорить об участии государства в формировании институтов гражданского общества [Ворожейкина, 1996; 1998].

Ведущая, активная роль государства по отношению к "пассивному", ведомому обществу, ставшая главным фактором мобилизационного типа развития и в Латинской Америке, и в России в 1930-е — 1950-е годы, оказалась одновременно и главным его изъяном, превратившись в 1960-е - 1980-е годы в общую для обоих регионов основу разложения государственно-центричной матрицы. Концентрируя все механизмы экономического, социального и политического регулирования, государство не оставляло (или по меньшей мере сокращало) возможности для появления в обществе иных, собственно социальных механизмов институционализации и интеграции. В итоге государство оказывалось перегруженным и все менее справлялось с разрешением социальных проблем, неизбежно накапливавшихся в условиях несбалансированного экономического развития и порождаемых им конфликтов.

В Латинской Америке это проявилось уже во второй половине 1950-х - 1960-х годах. С одной стороны, к тому времени во всех ведущих странах континента (Аргентине, Бразилии, Чили, Мексике) был в значительной мере исчерпан потенциал экономического роста той модели импортозамещающей индустриализации, основой которой было потребление массовых слоев, а также государственное субсидирование частного сектора и протекционизм. С другой стороны, неожиданным, незаплани-

рованным результатом популистской политики социальной мобилизации и политической активизации масс - народного сектора - стала, как уже говорилось, его растущая независимость от породившего его государства. Массовое народное движение в тот период было достаточно сильным и обладало мощными социальными ресурсами (профсоюзы) и каналами политического воздействия (популистские партии и движения), чтобы сопротивляться тем социально-экономическим изменениям, которых требовали технократия, часть национальной буржуазии и транснациональные корпорации.

Под воздействием этих, противоположных по своему содержанию интересов социально-экономическая политика государства все больше утрачивала последовательность, инфляция стала и важнейшим итогом, и механизмом политического и экономического торга между противостоящими социальными акторами и государством. Последнее утрачивало не только доминирующие позиции по отношению к обществу, но и в значительной мере автономию, становясь аренной деятельностью соперничающих партикуляристских интересов.

С третьей стороны, нараставшие в обществе противоречия не разрешались, а накапливались, наслаивались одно на другое, поскольку то, что однажды было даровано государством, превращалось в застывшие привилегии и прерогативы, становящиеся конституирующим элементом самого режима. Это было в значительной мере связано с типом организации политического пространства, характерного для государственно-центричной матрицы, в рамках которого весь политический обмен и вся значимая политическая деятельность концентрировались исключительно внутри исполнительной власти как единственно важной. В обществе, где множилось конфликты интересов, сведение политики к сфере управления, к исполнительной власти неизбежно дестабилизировало политический режим изнутри [Cavarozzi, 1995].

В СССР потенциал роста централизованной модели экономики был также в значительной мере исчерпан к середине 1960-х годов, за которыми последовал 20-летний период экономической стагнации. Правда, в отличие от стран Латинской Америки, хроническая инфляция здесь протекала в основном не в открытой, а в скрытой форме, находя свое выражение, прежде всего, в феномене дефицита. Сама социально-экономическая модель претерпела в 1960-е - 1980-е годы существенные внутренние изменения, которые привели к фактической утрате государством контроля за экономическим развитием. Речь идет о феномене так называемого "бюрократического рынка" [Найшуль, 1991]. Параллельно существовали клиентелистские сети, включавшие значительную часть населения в разветвленную систему обмена товарами и услугами на личной основе, помимо формальных каналов государственного распределения. Будучи отношениями частными, патрон-клиентные связи подрывали сами основы системы, построенной на отрицании частного интереса, частного человека, частной сферы [Афанасьев]. Клиентелизм становился, таким образом, средством индивидуализации социальных отношений и каналом реализации частного интереса, в противоположность официальному и все более пустому и бессодержательному "общественному интересу" [Vorozheikina, 1994].

Одновременно хрущевская оттепель положила начало возрождению индивидуального и коллективного сознания, процессу индивидуализации общества, который, хотя и был существенно замедлен в 1970-е годы, уже не мог быть повернут вспять. После того, как однажды была продемонстрирована ложь официальной идеологии, она уже не могла служить эффективным инструментом сплочения общества: подавляющее большинство населения ее игнорировало. Как отмечал Э. Геллнер, "убогая, хотя и относительно мягкая брежневская эпоха подорвала веру в идеалы гораздо сильнее, чем пронизавший все общество тотальный, непредсказуемый сталинский террор" [Геллнер, с. 13]. Для части образованного меньшинства средством ухода от мертвящей хватки государства становилась сфера интеллектуальной деятельности, неофициальной культуры, досуга. В результате переплетения и взаимодействия всех этих процессов возникали элементы пространства (частного и публичного), находя-

шегося вне сферы эффективного государственного контроля. Это пространство было дискретным и фрагментированным, оно не было и не могло быть автономным по отношению к государству хотя бы потому, что отсутствовали независимые от государства экономические источники существования.

Не было оно и пространством гражданского общества в его западном понимании. Можно говорить, по-видимому, лишь об элементах, хотя и весьма специфических, гражданского общества, которое начало постепенно освобождаться от государственной "скорлупы". При этом, в отличие от таких стран Латинской Америки, как Аргентина, Бразилия и Перу, элементы гражданского общества в СССР возникали не в связи с деятельностью государства, а помимо его, в том пространстве, которое государство все менее могло контролировать⁸. По мере того как ветшали механизмы социального и идеологического контроля над обществом, все более очевидным становился главный политический изъян государственной системы в СССР: в отсутствие даже формальных институтов участия не сложились и собственно политические источники легитимации существующей системы власти, которыми в странах Латинской Америки, даже в Мексике, являлись выборы. Стремление правящей номенклатуры найти новые, неидеологические источники легитимности стали одним из важнейших проявлений и одновременно факторов эрозии государственно-центричной матрицы в СССР [Фурман, 1993].

Таким образом, в результате начавшихся процессов разложения государственно-центричной матрицы развития государство как в СССР, так и в странах Латинской Америки становилось все более слабым. Если в эпоху расцвета классического популизма в Латинской Америке или в годы правления И. Сталина государство проявило достаточно высокую способность проникать в общество, регулировать социальные отношения и перераспределять ресурсы, то в последующий период разросшееся, неповоротливое и перегруженное функциями, оно становилось все менее способным добиваться намеченных результатов [Migdal, 1988]. Управляемость общественным развитием - центральная проблема для данного типа взаимоотношений государства и общества - становится все более трудно реализуемой.

При этом очевидно и важнейшее социальное отличие процессов разложения государственно-центричной матрицы в Латинской Америке от параллельных процессов в СССР. В Аргентине, Бразилии, Чили и даже в Мексике очевидная слабость государства, политический кризис популизма стали результатом усложнения социальной структуры общества, появления противоположных социальных классов и групп, осознающих свои интересы. В СССР процессы структурирования общества, хотя и имели место в связи с усложнением экономики и необходимостью поддержания военного паритета, оказались гораздо менее выраженными и частичными по своей природе. Несмотря на статусную дифференциацию, население оставалось зависимым от государства как от единственного источника существования и подателя благ. Это обусловило слабую структурную дифференциацию, неразвитость горизонтальных общественных связей и преобладание вертикальных клиентелистских отношений, в конечном счете также замыкавшихся на государство.

Процессы разложения государственно-центричной матрицы в СССР в 1960-е - 1980-е годы носили застойный характер. Они не угрожали непосредственным интересам правящей номенклатуры, позволяя ей ничего не менять до того, как процессы одряхления системы стали очевидны на персональном уровне. В Латинской Америке сходные процессы приняли, как уже говорилось, кризисный характер, который в Чили, Аргентине, в меньшей мере в Бразилии нес прямую угрозу сложившейся системе господства, и правящие группы были вынуждены искать срочный выход. Можно говорить о трех основных вариантах их стратегии в этой ситуации. Первый - продолжение прежнего курса и акцентирование этатистских, социально-перераспре-

⁸ С этой точки зрения просматривается сходство с соответствующими процессами в Мексике 1960-1980-х годов, где потенциал собственного развития общественных организаций, созданных правящей партией, оказался ничтожным и где государство также постепенно утрачивало гегемонию в обществе.

делительных аспектов государственно-центричной матрицы - имел место в Мексике в 1970-е — начале 1980-х годов. Это позволило режиму ИРП частично восстановить пошатнувшиеся было традиционные механизмы социального инкорпорирования и кооптации политических противников, в которых Мексика не знала себе равных на континенте. Вместе с тем растущее, но все менее эффективное государственное вмешательство в экономику, политика национализации промышленных предприятий и банков истощили потенциал экономического роста в рамках прежней модели и поставили в начале 1980-х годов основные группы мексиканских предпринимателей в оппозицию режиму [Valdes Ugalde]. Решающим фактором, позволившим продолжать прежний социально-экономический курс, был так же, как и в Советском Союзе, нефтяной экспорт и вызванный им приток дешевых внешних кредитов. Однако в отличие от СССР, крах этой попытки игнорировать исчерпанность прежней модели оказался скорым и явным: уже в 1982 году Мексика стала первой страной континента, объявившей о государственном банкротстве.

Бразилия 1964-1985 годов представляет собой второй вариант выхода из кризиса государственно-центричной матрицы развития. Здесь очевидный провал попыток инкорпорировать низшие слои привел к переориентации правящих групп на их радикальное социальное исключение и политическую деактивизацию. Военно-авторитарный режим, правивший в стране в течение 20 лет, стремился установить новое равновесие в отношениях государства и общества с помощью насилия. Вместе с тем, экономическая политика военного режима в Бразилии, будучи также резко исключительной по отношению к низшим слоям, сохранила важнейшие элементы этатистского и протекционистского курса. В этом смысле осуществлялась определенная преемственность по отношению к прежней модели, хотя существенно изменился набор тех, кто стал основными бенефициантами данного курса - ассоциированные с транснациональными корпорациями местные предприниматели и новые технократические слои. Бразильский режим сохранил и некоторые формальные атрибуты политической демократии (выборы в парламент, две официально разрешенные политические партии), в то время как вся полнота реальной власти принадлежала военным как институту и была сосредоточена в исполнительных структурах, не подлежавших никаким выборам.

Второе поколение военно-авторитарных режимов, пришедших к власти в 1970-е годы в Чили, Уругвае и Аргентине, полностью отказалось не только от интегрирующих, но и от всех этатистских элементов прежней стратегии. Они полностью ликвидировали институты политической демократии, распустив законодательные органы, запретив политические партии и отменив выборы. В экономике они осуществляли, хотя и с разной степенью успеха, ортодоксальный, неолиберальный экономический курс, направленный на открытие экономики, отказ от протекционизма и приватизацию государственного сектора. Сочетание всех этих элементов с неприкрытым вооруженным насилием в отношении наиболее активной части народа и всех политических противников режима, сделало социальное и политическое исключение важнейшим средством в установлении нового равновесия между государством и обществом.

Военно-авторитарные режимы этого периода были очевидным проявлением кризиса государственно-центричной матрицы развития и одновременно "орудием" ее разложения. Вместе с тем они сохраняли преемственность в отношении важнейшего элемента государственно-центричной матрицы - ведущей и доминирующей роли государства по отношению к обществу. Осью их политики было восстановление пошатнувшегося контроля государства в публичной сфере путем ее резкого сокращения, ликвидации ее автономных по отношению к авторитарной власти элементов. Комбинированное применение репрессий, социального исключения, различных элементов корпоративного контроля и насильственной демобилизации низов должно было привести к "деактивации" социальной сферы и отделению ее от сферы политической при практическом исчезновении последней.

Осознанной стратегией военных диктатур в Чили и Аргентине было стремление принудительно, с помощью страха деполитизировать социальные отношения, вызвать в обществе апатию и уход в частную жизнь, разрушая тем самым коллективистские модели поведения. Не без основания они рассматривались военными как угроза существующей системе власти. Иначе говоря, отказ от этатистских, инкорпорирующих элементов государственно-центричной модели сочетался со стратегией использования государственной власти, механизмов государственного принуждения для того, чтобы изменить общество в желаемом направлении. И надо признать, что эта стратегия оказалась весьма успешной, в особенности в Чили и Аргентине. Система социальных отношений смогла пережить порожденный ею структурный кризис, только подавив те элементы гражданского общества, которые возникли в рамках государственно-центричной матрицы развития. Несмотря на очевидное разложение этой матрицы, власть пыталась сохранить прежний тип отношений с обществом, акцентировав при этом отказ от поисков гегемонии и насилия.

Как ни парадоксально, именно в годы военных диктатур, в период их относительной стабилизации, когда террор стал менее массовым и более избирательным, в южноамериканских странах происходит становление ассоциаций и движений, оказавшихся основой "подлинного", независимого от государства гражданского общества. Речь идет в первую очередь о правозащитных организациях, объединявших родственников политзаключенных, погибших или исчезнувших в результате репрессий людей. В них входили, прежде всего, женщины, а также молодежь и радикально или либерально настроенные священники. Кроме того, возникают различные ассоциации взаимной поддержки в городских кварталах, где жили те, кто на себе испытывал социальные "издержки" экономической политики военных диктатур. В Бразилии в конце 1970-х годов возникает мощное и влиятельное новое рабочее движение, объединившее трудящихся самой динамичной отрасли промышленности, "мотора" бразильского "экономического чуда" - автосборочных предприятий Сан-Паулу. Важнейшую роль в формировании новых ассоциаций гражданского общества прямо или косвенно (через организации мирян) сыграла католическая церковь. Эти ассоциации включали новых социальных акторов, не связанных, как правило, с организациями и партиями, уничтоженными или запрещенными военными режимами [Reagse, 1997]. Их сопротивление диктатурам носило неполитический характер, а требования были по преимуществу социальными и правозащитными.

Но сам феномен самоорганизации населения в противостоянии репрессивной государственной власти неизбежно приобретал и политическое измерение: гражданское общество становилось заменой, субститутом политической оппозиции. "...Любая организованная группа, на которую не распространялся авторитарный порядок, стала восприниматься как часть гражданского общества. Не очень строго, хотя и правильно по существу, вся оппозиция режиму стала определяться так, как если бы она являлась движением гражданского общества" [Cardoso, 1989, p. 319]. Таким образом, отделение общества от политики и ликвидация публичной политической сферы имели неожиданные и нежелательные для военных последствия: формирование автономных институтов гражданского общества и усиливающуюся политизацию последнего. Попытка сохранить господство государства над обществом при опоре главным образом на насилие привела к высвобождению значительной части общества из-под государственного контроля и тем самым подорвала, теперь, по-видимому, окончательно старую модель взаимоотношений власти и общества.

* * *

Процессы демократизации авторитарных режимов в Латинской Америке, сопровождавшиеся более или менее последовательной либерализацией экономики, существенным образом трансформировали отношения государства и общества. Во-первых, в ходе демократической институционализации изменилась роль политики. Перво-

начальный демократический подъем, в котором важнейшую роль сыграли гражданские организации, выросшие из антидиктаторской борьбы, привел к резкому расширению политической сферы. Однако затем, по мере консолидации демократических институтов она начала быстро сокращаться и в настоящее время впервые заняла в обществе "нормальное" место. В таких странах, как Чили, Аргентина, Бразилия, политика перестала определять структуру социальных отношений, воздействовать на повседневную жизнь людей в ее многообразных измерениях. Иначе говоря, та ведущая роль, которую политика (власть) играла в отношении общества в период популистских и правотаитарных режимов, исчерпала себя.

Сокращение политической сферы, ее отделение от сферы социальных отношений стало одним из факторов устойчивости новых демократий в Латинской Америке. Вместе с тем демократическая политическая система в большинстве стран Латинской Америки (за исключением Чили и Аргентины) оказалась мало проницаемой "снизу" и не способной выполнять посреднические функции между обществом и властью. По мнению аргентинского исследователя Г. О'Доннелла, новые демократии, отвечая всем критериям реальной демократии ("полиархии" в терминах Р. Даля), в Латинской Америке и большинстве посткоммунистических стран не обладают представительным характером и не подотчетны гражданам. О'Доннелл назвал такие демократии делегативными и увидел их главный изъян в институциональной слабости. Избиратели в таких системах уповают на личности, а не на институты и выбирают, независимо от собственных предпочтений и политической принадлежности, того, кто, по их мнению, способен взять на себя ответственность за судьбу страны. Поэтому "выборы отличаются высоким эмоциональным накалом и каждый раз имеют судьбоносный характер: кандидаты соревнуются за возможность управлять, по сути, без всяких ограничений, за исключением тех, которые накладываются голыми, неинституционализированными отношениями власти" [O'Donnell, 1999, p. 164].

Персоналистский, нерепрезентативный характер новых демократий - продолжение и следствие традиционной для стран Латинской Америки слабости правового, публичного измерения государственной власти. На протяжении десятилетий слабая центральная власть сосуществовала или переплеталась на региональном и местном уровнях с персоналистскими, патримониальными системами власти, в которых не существовало никаких гарантий прав и где закон был лишь формальным прикрытием властного произвола. Демократизация и экономический кризис 1980-х годов сделали явным этот изъян государственной власти. Уже не только географически удаленные от центра районы, но и крупные города столкнулись с фактическим исчезновением публичного пространства государственной власти, со всеобщей коррупцией, приватизацией государственных функций и с отсутствием каких-либо гарантий безопасности граждан от произвола как криминальных групп, так и государственных структур. Как это ни парадоксально, беззаконие в особенности характерно для стран с сильной легалистской традицией, таких как Мексика и Колумбия: чем выше формальное, вербальное почтение к закону и конституции, тем, по общему правилу, сильнее неформальные клиентелистские отношения, произвол в реальной жизни [Reid, 2001]. Складывающиеся в большинстве латиноамериканских стран политические институты существенно отличаются по своему характеру от их западных прототипов.

В Латинской Америке и в условиях демократизации сохраняются противоречия и разрывы между формально демократическими организационными принципами и неформальным функционированием институтов, между принятием решений и проведением политики в жизнь, между риторическим внедрением новых моделей поведения в публичной сфере и реальной практикой социальной жизни. По мнению бразильского президента Ф.Э. Кардозо, важнейшее условие демократии в Латинской Америке вообще и в Бразилии в частности - реформа государства, которая "гарантировала бы его публичное измерение, т.е. сделала республикой, не подвластной частному присвоению" [Cardoso, 2001, p. 12].

В еще большей степени эти проблемы характерны для России. В советский период тотальный политический контроль был важнейшим средством обеспечения господства государства над обществом. Концентрируя политическую сферу внутри себя, партия-государство превращала ее во всеобъемлющую, беспредельную и одновременно пустую и бессодержательную. Будучи всем, политика была лишена собственно политических характеристик, что позволяет говорить об отсутствии политики как отдельной, самостоятельной сферы деятельности в Советском Союзе. В результате демократизации начала 1990-х годов политическая сфера одновременно и уменьшилась, оставив пространство и для общества, и для экономики, и стала более структурированной (менее пустой). Решающую роль в этом сыграло проведение выборов на конкурентной основе и становление многопартийной системы. Однако это в еще меньшей мере, чем в Латинской Америке, вело к формированию представительной демократии. Напротив, в результате десятилетнего "демократического транзита" здесь сложилась система власти, абсолютно неподотчетная обществу, в которой выборы, начиная с 1996 года, все больше приобретают характер плебисцитарного одобрения действующего начальства. Отвечая формальным критериям электоральной демократии, российская политическая система непроницаема для общества, для несанкционированного воздействия "снизу".

Слабость правового, публичного измерения государственной власти в России еще более очевидна, чем в Латинской Америке. В России стремление государства к всепроникающему контролю традиционно сочеталась с по преимуществу частной природой этого государства, с поведением государственных акторов, государственной бюрократии как носителей и агентов частной власти (от царских генерал-губернаторов и советских секретарей обкомов до нынешних глав региональных администраций). Трансформация, которую претерпела российская политическая система в 1990-е годы, и в особенности экономическая реформа, еще больше усилили эту тенденцию. Отсутствие в политической системе каналов зависимости от народа означает, что "выборные должностные лица не имеют почти никаких мотивов, чтобы производить общественные блага, которые масса избирателей рассматривала бы как имеющие некоторую ценность" [Холмс, 1997, с. 137].

Вместе с тем, "уменьшение" государства в результате рыночных реформ привело к сокращению его ответственности и эффективности в выполнении государственных функций, но отнюдь не к сокращению самих этих функций, а напротив, к их умножению и росту числа чиновников. Результатом экспансии государственных и полугосударственных структур в условиях рыночной трансформации становится повсеместная коммерциализация и приватизация административных и управленческих функций, утрата ими собственно государственного, публичного характера. Афанасьев отмечает "двуединный процесс приватизации постноменклатурных, формально государственных институтов и превращения клиентарно организованных частных и частно-корпоративных институтов в действительную и единственно действенную социальную власть" [Афанасьев, с. 279]. Иначе говоря, государства в современной России и "много", и "мало": оно крайне неэффективно (или практически отсутствует) как система правовых безличных институтов, обеспечивающих общие правила и гарантии для всех, но в то же время оно вездесуще как персонифицированное, коммерциализированное отношение по поводу государственных функций.

Эти процессы оказали крайне противоречивое влияние на становление гражданского общества. С одной стороны, политическая демократизация - свободные выборы, формирование новых политических партий - создавали благоприятные условия и стимулы для развития гражданских ассоциаций, для позитивного взаимодействия политического и гражданского общества. С другой стороны, экономический кризис и либеральные рыночные реформы привели к сокращению сферы государственного контроля над экономикой и обществом. Государство перестало выполнять целый ряд жизненно важных функций социального воспроизводства, которые раньше брало на себя. Возник своего рода социальный вакуум, обусловивший настоятельную потреб-

ность в самодеятельных гражданских ассоциациях, способных структурировать ткань общества, преодолевая его атомизацию.

Таким образом, существовала не только возможность, но и настоятельная потребность для развития гражданского общества и в России, и в Латинской Америке по двум направлениям. Первое из них - классическое "западное", связанное со становлением автономных ассоциаций, опосредующих государство и общество и транслирующих потребности и интересы гражданского общества в политическую сферу. Второе характерно, скорее, для стран "третьего мира", где кризис государства вынуждает общество брать на себя функции, которые в "нормальных" условиях являются прерогативой государства. В обоих случаях речь идет о формировании ассоциаций гражданского общества "снизу". Только в первом случае это указывает на направление развития, а во втором одновременно и на социальную среду, в которой действуют такие ассоциации. Это "низы" в полном смысле слова: бедные, социально и экономически исключенные слои общества, маловлиятельные как избиратели и не могущие эффективно отстаивать свои интересы с помощью формальных политических институтов.

В странах Латинской Америки бурное развитие гражданского общества в 1980-е годы происходило по обоим направлениям. Начальный период демократизации привел здесь к подъему разнообразных гражданских инициатив и движений, которые, в свою очередь, сыграли важную роль в процессе становления демократических институтов. Одновременно в большинстве стран возникают новые социальные движения, нацеленные на обеспечение условий выживания через самоуправление, - ассоциации мелких производителей, низовые христианские общины, столовые для бедных, общие кухни в городских кварталах, ассоциации сельских производителей и разнообразные неправительственные организации. Впервые в истории Латинской Америки идея и практика гражданского общества перестала быть только достоянием интеллектуалов, став лозунгом народа. В наибольшей мере это проявилось в ходе восстания 1995 года в мексиканском штате Чиapas, где гражданское общество стало главным символом и лозунгом борьбы индейцев за социальные, экономические и политические права в противопоставление авторитарному и непроницаемому для них государству.

В России аналогом латиноамериканских ассоциаций первого ("западного") типа были неформальные движения конца 1980-х годов. Будучи фрагментарными и эпизодическими, они не оказывали существенного политического влияния, но составляли необходимый социально-психологический фон поддержки перестроечных процессов. Организации второго типа стали возникать в первой половине 1990-х годов в связи с экономическим кризисом и кризисом государства. Наиболее заметной роль таких организаций оказалась в чрезвычайных ситуациях войн и межэтнических конфликтов (комитеты солдатских матерей, ассоциации беженцев и вынужденных переселенцев). В России потребности в формировании гражданского общества по обоим направлениям были не меньшими, чем в Латинской Америке. Однако возможности, которые открывал начальный период демократизации, использовались гораздо слабее: российское общество даже в период демократического подъема 1987-1991 годов оказалось не в состоянии сформировать гражданские ассоциации, сравнимые с латиноамериканскими по масштабам и разнообразию.

Но в период демократизации выявились и существенные противоречия между интересами политической институционализации и процессами становления гражданского общества. Эти противоречия, имея под собой несомненные реальные основания, отражают, прежде всего, расхождения в подходах к гражданскому обществу и его роли в формировании стабильной демократической системы. Согласно подходу, возобладавшему и в "транзитологических" исследованиях, и в политической практике в Латинской Америке, консолидация - прежде всего, процесс институционализации политического общества. В условиях демократии гражданское общество должно

подчинять свои требования интересам политической стабильности с тем, чтобы демократия окончательно стала "the only game in town"⁹.

Ассоциации гражданского общества могут способствовать становлению стабильного и законного демократического порядка постольку, поскольку соглашаются с ограничениями их собственной роли и с тем, что агрегирование и трансляция должны осуществляться через политические партии. Подразумевается, что активность гражданских ассоциаций не только не углубляет демократию, но и разрушительна для нее в случае, если ассоциации будут сохранять ту политическую роль, которая помогла им опрокинуть авторитарные режимы [Peagse]. С этой точки зрения, все, что направлено на достижение большей демократии, в том числе социальные движения и движения за реальное политическое равноправие, являются дестабилизирующими и могут вернуть страны Латинской Америки к состоянию, предшествовавшему правоавторитарным военным переворотам, когда именно сила гражданского общества, его поляризация и неподконтрольность политическому обществу привела демократические институты к краху.

В России аналогичная точка зрения формулируется еще более резко: сама идея гражданского общества вредна и контрпродуктивна для демократии. Слабость и неэффективность демократической системы в России объясняется тем, что в течение десяти лет в стране осуществлялся проект борьбы с властью во имя интересов мифического самоуправляющегося гражданского общества. Вместо этого общество должно было сосредоточить свои усилия на целенаправленной и целеустремленной деятельности по внедрению демократии как внятной государственной конструкции. Об этом, в частности, говорил Л. Поляков на конференции "Куда идет Россия?.." в январе 2001 года.

В данной связи возникают два фундаментальных вопроса. Первый заключается в том, может ли "демобилизованное" гражданское общество способствовать становлению демократии. Возможно ли вообще формирование и полноценное функционирование демократических институтов в отсутствие системы гражданских ассоциаций, действующих в неполитическом публичном пространстве, в отсутствие самого этого пространства? Ответ на этот вопрос с точки зрения западной теории гражданского общества, казалось бы, очевиден: устойчивые, проницаемые "снизу" демократические институты предполагают наличие автономного по отношению к государству гражданского общества. Однако процессы политической институционализации в поставоритарных ситуациях показывают, что существует если не противоречие, то по крайней мере напряжение между институциональным подходом, акцентирующим приоритет и кумулятивный характер политических институтов, и представлением о гражданском обществе как об автономной, неполитической сфере.

Второй вопрос связан со спецификой как гражданского общества, так и политической демократии в "незападных" ситуациях и возвращает нас вновь к проблеме политической и социальной интеграции "исключенных" слоев населения. Является ли самоорганизация низов и политизация их требований по отношению к государству угрожающей и деструктивной для демократического развития или же, напротив, она представляет собой важнейший фактор долгосрочной устойчивости и полноценности демократии? Демократия - это лишь "процедурный минимум", или же она реальна лишь в том случае, когда большинство населения имеет доступ к демократическим институтам, может эффективно использовать их для борьбы с нарушениями своих прав и убеждено, что эти институты служат не только интересам образованных и богатых [Peagse]?

Некоторые ответы на поставленные вопросы дает сопоставление процессов развития гражданского общества в Латинской Америке и России. В обоих регионах результатом политической институционализации стало ослабление институтов гражд-

⁹ "Единственным правилом игры" - *англ.*

данского общества, сужение и "разрежение" неполитического публичного пространства, снижение субъектности индивидов и общества в целом по сравнению с периодом борьбы с авторитаризмом и начальной фазой демократизации. Это особо очевидно в случае Чили, который стал хрестоматийным примером успешного и стабильного демократического процесса. В конце 1990-х годов опросы свидетельствовали о разочаровании чилийцев в демократии, об их неверии в собственную способность что-либо изменить, о растущем равнодушии к выборам. По выражению Н. Лехнера, "Чили - это страна успешного экономического развития, в которой люди не чувствуют себя счастливыми" [Lechner, 1998]. Это было отчасти связано с тем, что в латиноамериканских странах, и в Чили в особенности, возобладали подход к демократии как к чисто институциональному процессу. В еще большей мере это характерно для России, где «"молодые реформаторы" (из бывшей команды Е. Гайдара) воспринимали себя не как орган артикуляции или представительства гражданского общества (последнего в России, можно сказать, и не было, во всяком случае как политического феномена), а в качестве кадрового ресурса или запаса для высшего руководства, которое выступало самостоятельной величиной... и власть, и массовое сознание были едины и согласны с тем, что сфера политики - это исключительно сфера управления» [Гудков, Дубин, 2000, с. 18].

Коррупция, коммерциализация государственных функций, неправовой, непубличный характер государственной власти также создают крайне неблагоприятную ситуацию для функционирования институтов гражданского общества. Для того чтобы развиваться, добровольные ассоциации нуждаются в первоначальном успехе, который позволил бы им сохранять энтузиазм своих членов и перспективу. Взаимодействие с неэффективными и коррумпированными государственными органами или органами, сознательно препятствующими общественным инициативам либо не оказывающими должной поддержки, как правило, оказывает обескураживающее воздействие на участников этих институтов. Столкновение с приватизированной государственной властью часто толкает ассоциации гражданского общества либо к конфронтации с государственными органами, либо к поиску путей приспособления к властному произволу.

В любом случае это не способствует сотрудничеству гражданских ассоциаций с государством на правовой основе.

В Латинской Америке, где такие ассоциации имеют достаточно длительную историю существования, уже выработан определенный иммунитет против разрушающего воздействия патримониалистского государства. Об этом свидетельствует, в частности, успешная деятельность социальных движений в Бразилии, в том числе в наиболее отсталых районах северо-востока, где власть и реально, и формально принадлежит нескольким кланам крупных землевладельцев. В России, где гражданские ассоциации начали возникать только в первой половине 1990-х годов, коррупция и неприкрытая коммерциализация государственных функций часто оказывали на членов данных ассоциаций демобилизующее воздействие, порождая апатию и приводя людей к мысли о бесперспективности любых попыток самоорганизации для защиты своих интересов.

"Разреженность" неполитического публичного пространства в условиях политической институционализации стала вместе с тем и результатом внутренних слабостей самого гражданского общества. В Латинской Америке важнейшим фактором фрагментации и ослабления гражданского общества традиционно были огромные масштабы социального исключения. Неравенство в распределении доходов, по которому ведущие страны континента занимают первые места в мире, резко углубилось в результате экономической либерализации. (Бразилия, где верхние 20% населения получали в 1995 году 64,2% доходов, - страна с самым неравномерным распределением доходов в мире. В Чили этот показатель - 61,0%, в Мексике - 58,2%, в Перу - 51,2%.) В результате латиноамериканское общество становится двуликим, поляризованным. На одном, гражданском, полюсе действуют сильные саморегулирующиеся

организации, для другого, маргинализованного, характерны низкий уровень самоорганизации автономных групп и малая способность к самоподдерживающейся мобилизации. Соответственно, двуликим становится и государство. Своей демократической стороной оно развернуто к гражданскому полюсу общества, с которым взаимодействуют политические партии и государственные институты. Те же политические акторы действуют по-другому в отношении маргинализованных социальных групп и регионов, строя свои отношения с ними на клиентелистской, государственно-корпоративистской основе. Демократия становится, таким образом, не "единственным правилом игры", ее правила действуют лишь в отношении наиболее сильных игроков, организаций и групп, сосредоточенных на гражданском полюсе. На противоположном полюсе царят иные правила, не способствующие усилению гражданского общества [Waizman, 1999].

Деление общества на гражданскую и маргинализованную части не всегда и не во всех странах совпадает с социальными и имущественными квиважами. Ассоциации, действующие среди бедных и исключенных в таких странах, как Бразилия, Мексика и Перу, не менее сильны и организованы, чем те, которые ориентированы на средние слои населения. Однако есть существенные различия в отношениях политической власти с первыми и вторыми. Ассоциации среднего класса имеют, как правило, более тесные связи со средствами массовой информации и способны эффективно транслировать свои интересы на политический уровень через политические партии. Это - гражданское общество в "западном" смысле. Ассоциации, действующие в бедных кварталах, гораздо более многообразны и многочисленны, но для них политическая сфера гораздо менее проницаема и представительна. Между этой частью гражданского общества и политическим обществом существует средостение, в результате чего самоорганизация бедных и исключенных неизбежно начинает приобретать политизированный характер и воспринимается демократическим истеблишментом как угрожающая политической стабильности. Социально-экономическая маргинализация, таким образом, усиливается и политически.

Если в Латинской Америке фрагментация гражданского общества усилилась под воздействием процессов социальной дифференциации, то в России, напротив, слабость структурной дифференциации общества стала важнейшим фактором слабости (или отсутствия) автономных, гражданских тенденций его развития. Исследования общественного мнения, осуществляемые ВЦИОМ, показывают, что российское общество обладает очень низкой способностью (если обладает ею вообще) к позитивной консолидации и поэтому нуждается в механизмах внешней, негативной идентификации. Такие механизмы, по мнению Л. Гудкова, характерны «для слабо дифференцированных сообществ, отличающихся "горизонтальной" или "линейной" структурой социальных взаимоотношений (невыведенностью, неспециализированностью членов сообщества, в антропологическом смысле "простых людей")... само сообщество конституируется отношением к негативному фактору, чужому или враждебному, который становится условием солидарности его членов, сознающих себя в рамках подобного значимого и ценного для них единства, где они противопоставлены чужим» [Гудков, с. 37].

Центральным фактором актуализации механизмов негативной идентификации стала вторая чеченская война, сплотившая около 70% российского населения вокруг власти, предложившей обществу весьма действенную, как выяснилось, символическую компенсацию за бессилие в других, жизненно важных для населения областях. В условиях войны, когда значительная часть российского населения проявляет в лучшем случае равнодушие (если не злорадство) в отношении жертв и лишений гражданского населения Чечни, сам разговор о перспективах гражданского общества в России в значительной мере утрачивает смысл. Действие механизмов негативной идентификации ведет к воспроизведению в постсоветских условиях традиционной для нас ситуации, когда государство вновь выступает как единственная сила, способная интегрировать общество ("навести порядок").

Исследователями неоднократно отмечались атомизация российского общества, его неспособность к независимым коллективным действиям, ставшие результатом разложения официального советского коллективизма [Клямкин, 1993; Дилигенский, 1998]. Сравнение российского опыта с латиноамериканским показывает: чем более общество подчинено и подконтрольно государству в предыдущий период, тем более раздробленным и атомизированным оказывается оно в условиях кризиса, порожденного эрозией государственно-центричной матрицы развития и тем более такое общество склонно вновь пойти "под руку" государства. Показательно в этом смысле сопоставление чеченской войны с восстанием индейцев в штате Чиapas. Реакция мексиканского общества оказалась прямо противоположной реакции российского - восстание в Чиapasе породило волну солидарности и привело к появлению целой сети новых гражданских ассоциаций, что в конечном счете ускорило процесс политической демократизации и децентрализации в Мексике.

Дополнительным фактором слабости гражданского общества в России стал феномен, который условно можно назвать "преждевременной" демократизацией. В обществах с укорененной традицией авторитарной власти переход к демократии, очевидно, не может быть одномоментным. Как показывает опыт Бразилии и Мексики, постепенное накапливание сил организациями гражданского общества в условиях слабеющего и теряющего контроль авторитарного режима более плодотворно для последующего демократического развития, чем быстрая и радикальная политическая реформа, при которой новые демократические институты столь же быстро и неизбежно наполняются старым содержанием. Медленная, контролируемая политическая трансформация, закрытость политической сферы вынужденно сохраняют общественную энергию в пространстве гражданского общества.

В России политическая реформа осуществлялась в условиях глубокого кризиса и распада государства в начале 1990-х годов. Вновь возникшая политическая сфера "втянула" в себя наиболее активные элементы неформальных демократических движений конца 1980-х, ослабив тем самым потенциал низовой, непартийной демократии [Фадин, 2000]. Следствием этого стало выхолащивание демократического потенциала и политических институтов, и неполитической публичной сферы. Быстрая трансформация в условиях кризиса породила такое политическое общество в России, которое все больше блокирует самостоятельное развитие общества гражданского.

Сравнение противоречивых процессов политической институционализации и становления гражданского общества в России и странах Латинской Америки позволяет сделать достаточно однозначные выводы относительно их взаимосвязи. Чем более сильны, активны и разнообразны ассоциации гражданского общества, тем более устойчивы демократические институты. И, напротив, отсутствие или слабость гражданского общества ведет к слабости и выхолащиванию демократического содержания политических институтов, их авторитарной инволюции. Особенно показателен в этом смысле опыт демократического развития Бразилии последнего десятилетия. Сильное и структурированное гражданское общество стало здесь основой медленного и болезненного процесса демократизации государственных институтов. Оно ограничивает и нейтрализует многолетнюю традицию произвола со стороны формально государственной, но, по сути, частной или приватизированной власти. Напротив, опыт Перу во время правления А. Фухимори и в особенности опыт ельцинской и путинской России показывают, что в условиях слабого, фрагментированного или отсутствующего гражданского общества авторитарная деградация формально демократических институтов становится весьма вероятной или даже неизбежной.

Такая же прямая и позитивная связь существует между силой автономных организаций, действующих среди бедных и исключенных, и устойчивостью демократических политических институтов. Чем более организована эта часть населения, тем более проницаема "снизу" и, следовательно, более демократична политическая сфера, в особенности на местном уровне. Пример Бразилии в этом смысле наиболее убедителен. Многочисленные ассоциации, действующие в бедных кварталах и районах,

заставляют власть считаться с собой, тем самым отчасти компенсируя огромные, даже по латиноамериканским меркам, масштабы социально-экономического исключения в этой стране. Кроме того, Бразилия - единственная страна Латинской Америки, где существует влиятельная и на федеральном уровне, и на уровне штатов левая партия - Партия Трудящихся. Она способна эффективно транслировать на политический уровень интересы не только организованных трудящихся, но и части маргинализованного сектора. Это делает политическую систему в Бразилии более гибкой, представительной и, следовательно, более устойчивой.

С данной точки зрения, отсутствие в России независимых профсоюзов, левых политических партий и движений, которые действительно представляли бы интересы трудящихся и растущего числа социально исключенных¹⁰, свидетельствует не только о слабости гражданского общества, но и о жесткости и непроницаемости политической системы, чреватой ее перманентной внутренней нестабильностью. Следует, видимо, согласиться с мнением французского социолога А. Турена, считающего, что в странах, не знавших четкого разделения между социальными акторами, политическими силами и государством, демократическая политическая система "предполагает не только представительный характер политических сил, но в равной мере - существование автономных, организованных и осознающих свои интересы социальных акторов, представленных прямо, а не только через политических агентов" [Touraine, 1987].

Проницаемость политической системы "снизу", в свою очередь, является позитивным фактором, усиливающим и структурирующим гражданское общество. Чем более закрыта политическая сфера, чем больше средостение между политическими институтами и гражданскими ассоциациями, тем более атомизировано и криминализовано общество. В условиях, когда экономическое развитие порождает все новые разрывы и углубляет социальную поляризацию, отсутствие эффективных каналов политического представительства способствует распространению антисоциальных, криминальных стратегий индивидуального выживания. В этом смысле будущее Москвы - не столько Палермо, сколько Мехико и Рио де Жанейро.

* * *

Типологическое сходство политических и социальных проблем России и стран Латинской Америки конца XX - начала XXI века обусловлено общими процессами разложения государственно-центричной матрицы развития. Новая модель артикуляции связей государства и общества во всех этих странах только формируется. Очевидно, однако, что, несмотря на целый ряд общих черт, латиноамериканский вектор развития отношений между государством и обществом в последнее десятилетие все больше расходится с российским. Стабильность демократических политических институтов, сменяемость путем выборов партий и лидеров у власти, несмотря на целый ряд попятных движений (Перу, Эквадор, Венесуэла), становится нормой в Латинской Америке. Смена власти в Мексике в 2000 году завершила демократическую трансформацию самого старого на континенте авторитарного режима. В целом ряде случаев (Бразилия, Колумбия) власть демонстрирует невиданную ранее готовность к поиску компромисса между интересами государства и противостоящих друг другу социально-экономических групп.

В Бразилии стратегия компромисса, которую избрал президент Кардозо при осуществлении экономической реформы, требующей изменения целого ряда статей конституции, несмотря на очевидные экономические издержки, укрепляет демократические процедуры и способствует поиску консенсуса в обществе. Хотя средостение между гражданским и политическим обществом в той или иной мере существует во

¹⁰ 10 КПРФ по большинству критериев - право-националистическая, этатистская партия, не способная эффективно представлять структурированные интересы трудящихся на политическом уровне.

всех странах Латинской Америки, гражданское общество в целом сохраняет способность "прорасти снизу" и влиять на политическую ситуацию в критических условиях. Так, отстранение от власти в Перу в конце 2000 года президента Фухимори, который за полгода до этого в нарушение конституции навязал стране свое переизбрание на третий срок, произошло в результате организованного сопротивления гражданского общества, возглавленного лидерами политической оппозиции.

Все это позволяет утверждать, что в процессе демократизации государство в странах Латинской Америки постепенно адаптируется к усложнению, дифференциации и автономизации общества. Можно говорить, по-видимому, и об окончательном разложении механизмов доминирования государства над обществом и государственно-центричной матрицы развития как таковой. Хотя отмеченный выше феномен дуализации, "двуликости" государства и общества в Латинской Америке не позволяет сделать вывод, что здесь утверждаются либеральные механизмы артикуляции связей между государством и обществом.

Формально демократические институты в России после октября 1993 года также продемонстрировали устойчивость, особенно удивительную в условиях экономического кризиса 1998 года. Однако именно после того, как противоречия между исполнительной и законодательной властью были решены с помощью вооруженной силы, новые политические институты начали утрачивать представительный характер, все больше становясь прикрытием неинституционализированных отношений власти и не препятствуя усилению авторитарных тенденций. Наиболее очевидным это стало со второй половины 1999 года, когда был разработан механизм передачи высшей исполнительной власти, полностью выведенный из зоны неопределенности, связанной с демократическими выборами. В отличие от стран Латинской Америки, выборы не стали в России инструментом чередования у власти различных политических сил. К концу 1990-х годов политическая система России вновь вернулась к привычному состоянию монополизации власти одной политической силой и исключения компромисса. Основа ее функционирования и устойчивости - не баланс интересов в правящей и господствующей элите, а "властная вертикаль", последовательное подчинение единственному центру, из которого проистекает реальная власть. Та удивительная легкость, с которой удалось провести реформу регионального управления через Совет Федерации, свидетельствует, что и для региональных баронов, включая самых могущественных из них, монопольная система власти остается естественной. Они борются лишь за более высокое место в ее централизованной иерархии. В этом смысле политическая судьба Ю. Лужкова, его превращение из лидера системной оппозиции в подчиненную фигуру единой "партии власти" была вполне предсказуема.

Если в Латинской Америке государство вынуждено все больше адаптироваться к функциональной дифференциации и автономизации общества, то в России очевидно стремление власти эту дифференциацию по крайней мере затормозить, восстановив контроль государства над обществом. Активизация деятельности репрессивных структур как легальная, так и "экстраофициальная"; нарастающее присутствие людей в погонах в органах исполнительной и законодательной власти всех уровней; новый закон о партиях и принудительная перерегистрация общественных организаций; государственный контроль над средствами массовой информации и полицейский - над электронными сетями; последовательные ограничения деятельности негосударственной системы образования - вот лишь немногие и частные проявления этого процесса. Параллельно усиливается примитивизация структуры российского общества, происходит постепенное, а в последнее время все более быстрое устранение разнообразия в экономической и политической сферах, исчезновение действовавших политических институтов, упрощение политических задач и ориентиров общественной политики, которые Гудков и Дубин рассматривают как процессы относительной деградации общества и связывают с феноменом негативной идентификации [Гудков, 2000; Гудков, Дубин, 2001]. Доминирующие тенденции в государстве и обществе, таким образом, выглядят как совпадающие и взаимоусиливающие. Их общий

вектор - *воспроизведение, регенерация государственно-центричной матрицы развития*. Это коренным образом отличает современную российскую ситуацию от латиноамериканской.

Каковы шансы на успех у попыток восстановления традиционной модели взаимоотношений государства и общества в постсоветской России? При ответе на этот вопрос неизбежно напрашиваются латиноамериканские аналогии, тем более что чилийский опыт использования сильного авторитарного государства для последовательной экономической либерализации, несомненно, вдохновлял "интеллектуальную" часть отечественного истеблишмента, стоявшую за приходом В. Путина к власти. Пиночетовский вариант, как уже говорилось, предполагал радикальную либерализацию экономики при жестком политическом контроле и концентрации доходов в руках бюрократии, предпринимателей и высших средних слоев. В России выбор в пользу такого варианта облегчается тем, что потребление большинства населения сведено к минимуму и не нужно употреблять вооруженное насилие для достижения такого результата. Необходимые меры (реформа образования, социального обеспечения, медицинского обслуживания и жилищного хозяйства - все то, что входит в программу Г. Грефа) вряд ли вызовут организованный протест и тем более социальный взрыв в российском обществе с его пресловутым терпением.

Но на "чилийском" пути Россию ожидают две основные проблемы. Первая - слабость платежеспособного спроса для промышленности, работающей на внутренний рынок, и, следовательно, пределы для роста занятости. Чилийская модель в России, учитывая масштабы и сырьевую ориентацию ее экономики, приведет к гораздо большим объемам социального исключения, чем в Чили. Маргинализованные экономические и социальные массивы будут, с одной стороны, постоянно воспроизводить этатистские модели поведения и требования, а с другой - окажутся столь велики, что потребуют расходов на содержание репрессивного аппарата, несовместимых с моделью "минималистского" государства.

Вторая и главная проблема - состоявшаяся в 1990-е годы приватизация государства. Эффективная экономика по чилийскому образцу предполагает отделение власти от собственности. Сильное государство, создающее благоприятные условия для экономического развития, не может иметь собственных экономических интересов и быть коррумпированным. (Не случайно Чили - страна с наименьшим уровнем коррупции в Латинской Америке.) Приватизация в России настолько связана с коррупцией, причем не только в качестве "первородного греха", но и функционально, что любая реальная, а не показательная, попытка отделения власти от собственности будет таить смертельную угрозу для существующего режима. О тщетности надежд на то, что Путин сможет деприватизировать российское государство, свидетельствуют, во-первых, весьма скромные результаты борьбы с реальными олигархическими интересами, действующими внутри государственных структур, и во-вторых, законодательное допущение переизбрания действующих губернаторов на третий и даже четвертый срок, что закрепляет традиционную для России модель формально централизованной, но фактически частной власти.

Путинский режим типологически гораздо ближе к мексиканской модели партии-государства. Ее важнейшие политические блоки полностью или частично уже воспроизведены в России. Это:

- передача власти действующим президентом назначенному преемнику;
- устранение неопределенности, связанной с выборами;
- функционирование президентской власти как автономной и самодостаточной силы, полностью господствующей и в политике, и в обществе;
- формирование "партии власти", монополизировавшей административные ресурсы, поглощение, кооптация или политическая маргинализация всех остальных партий;
- полный контроль исполнительной власти над законодательной;
- вертикальный контроль федеральной исполнительной власти на региональном уровне;

- этатистский национализм с антизападным, антиамериканским оттенком в качестве идеологической основы режима.

Мексиканская модель предполагала закрытую экономику с решающим участием государства в производстве и перераспределении части дохода в пользу массовых слоев. Ее воспроизведение в современной России потребует восстановления государственного контроля в стратегических, экспортных отраслях. Иначе говоря, это будет не рыночная, а этатистская модель, которая приведет к закреплению единства власти и собственности, но с еще большей, чем сейчас, зависимостью собственности от власти. Интересы различных групп предпринимателей будут учитываться, но без прямого допуска их к процессу принятия решений. Такой ход событий в России представляется гораздо более вероятным, чем развитие по чилийскому образцу. Однако он мало совместим с уже достигнутым уровнем открытости российской экономики и ее включением в глобальные процессы. В принципе мексиканская модель в России, предполагающая восстановление контроля государства над обществом и экономикой, возможна лишь в условиях относительной автаркии. А это плохо согласуется и с экспортной ориентацией экономических элит, и с моделями потребления наиболее влиятельных в политическом отношении слоев населения.

Представляется поэтому, что шансы на возвращение к традиционному типу отношений государства и общества в современной России достаточно низки. Такого рода попытки, видимо, будут повторяться в силу инерции, каждый раз со все меньшей результативностью. Они, несомненно, будут означать потерянное историческое время. Однако в долгосрочной перспективе они несостоятельны, поскольку государство в России больше не обладает достаточными административными, политическими и идеологическими ресурсами для сколько-нибудь последовательного осуществления подобной стратегии. Оно слишком разложено изнутри доминирующими в нем партикуляристскими интересами. Но государство в России по-прежнему претендует на роль единственного агента социальной трансформации. Общество в стране пока не выработало собственных вариантов автономного развития, позволяющих ему перейти к собственно социальным, гражданским механизмам интеграции и, соответственно, строить свои отношения с государством на правовой основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев М.* Клиентелизм и российская государственность. М., 1997.
- Ворожейкина Т.* Социальные последствия российских реформ в свете опыта Латинской Америки // *Мировая экономика и международные отношения.* 1995. № 6.
- Ворожейкина Т.* Специфика гражданского общества в Аргентине // *Мировая экономика и международные отношения.* 1996. № 6.
- Ворожейкина Т.* Демократия и экономическая реформа (Опыт сравнительного политического анализа Латинской Америки и России) // *Pro et Contra.* 1997. № 1.
- Ворожейкина Т.Е.* Государство и общество в Перу // *Общественные науки и современность.* 1998. №3.
- Геллер Э.* Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.
- Гудков Л.* К проблеме негативной идентификации // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2000. № 5.
- Гудков Л., Дубин В.* Российские выборы: время "серых" // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2000. № 2.
- Гудков Л., Дубин В.* Конец 90-х годов: затухание образцов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2001. № 1.
- Дилигенский Г.* Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // *Гражданское общество в России: структуры и сознание.* М., 1998.
- Клямкин И.* Политическая социология переходного общества // *Полис.* 1993. № 4.
- Левада Ю.* Феномен власти в общественном сознании: парадоксы и стереотипы восприятия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1998. № 5.

- Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М. 1991.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. М., 1996.
- Петров Н.* Российское общество в зеркале думских выборов. Доклад на конференции в Гарвардском университете США (Программа "Новые подходы к проблемам российской безопасности"). 2000. Январь.
- Фадин А.* Третий Рим в третьем мире. М.-СПб., 2000.
- Фурман Д.* Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1.
- Холмс С.* Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. 1997. №4.
- Cardoso F.H.* Associated-Dependent Development and Democratic Theory // Democratizing Brazil. New York-Oxford. 1989.
- Cardoso F.H.* Democracy as a Starting Point // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. № 1.
- Cavarozzi M.* Beyond Transitions to Democracy in Latin America // Journal of Latin American Studies. 1992. №6.
- Cavarozzi M.* Mexican Political Formula: Past and Present // The Politics of Economic Restructuring: State-Society Relations and Regime Change in Mexico. San Diego. 1995.
- Cavarozzi M.* Autoritarismo y democracia (1955-1996). La Transición del Estado al mercado en la Argentina. Buenos Aires, 1997.
- Eisenstadt S.N.* Civil Society and Democracy in Latin America: Some Comparative Observations // Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe. 1993. № 26.
- Lechner N.* Las condiciones socioculturales de la gobernabilidad. Paper presentado en la conferencia "Malestar en la democracia". Mexico, 1998. Marzo.
- Migdal J.S.* Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton, 1988.
- O'Donnell G.* Counterpoints. Notre Dame, 1999.
- Pearce J.* Civil Society, the Market and Democracy in Latin America // Democratization. 1997. Vol. 4. № 2.
- Reid M.* Durgs, War, and Democracy. A Survey of Columbia // The Economist. 2001. 21 April.
- Roniger L.* The Comparative Study of Clientelism and the Changing Nature of Civil Society in the Contemporary World // Democracy, Clientelism and Civil Society. Boulder, 1994.
- Stepan A.* The State and Society. Peru in Comparative Perspective. Princeton, 1978.
- Touraine A.* Actores sociales y sistemas políticos en America Latina. Santiago, 1987.
- Valdes Ugalde F.* Autonomia y legitimidad. Los empresarios, la politica y el Estado en Mexico. Mexico, 1997.
- Vorozheikina T.* Clientelism and the Process of Political Democratization in Russia // Democracy, Clientelism, and Civil Society. Boulder, 1994.
- Waizman C.H.* Citizens, Clients, and the Bi-Facial State: The Emerging Articulation between State and Society in the Southern Cone. Paper presented at the FIEALC Conference. University of Tel Aviv. 1999. 12-15 April.